

КУПАВА ОГИНСКАЯ

НЕ ДАРЕННЫЙ
ПОДАРОК
КАСЯ

**МОСКВА
2018**

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
О-36

Разработка серийного оформления
Владиславы Матвеевой

Иллюстрация на переплете
Станислава Дудина

Огинская, Купава.

О-36 Не дареный подарок. Кася / Купава Огинская. — Москва : Эксмо, 2018. — 352 с. — (Академия Магии).

ISBN 978-5-04-095884-9

Жизнь мелкой горной рагры, безобидной высшей нечисти, ох как тяжела! Всякий так и норовит съесть. А тут вообще беспредел: поймали, запугали и привязали к весьма неприятному боевому магу, кадету военной академии. Который наотрез отказывается понимать, какое счастье свалилось ему на голову.

Конечно, при ближайшем знакомстве навязанный хозяин не так уж и плох. Но директор его академии со странными предложениями, опасные знакомства с хищниками и неопределенные планы на будущее — совсем не то, на что я рассчитывала. Остается лишь взять себя в лапы и терпеть. И ждать удобного случая, чтобы удрать... или все-таки остаться?

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Огинская К., 2018
© Оформление.
ООО «Издательство «Эксмо»,
2018

ISBN 978-5-04-095884-9

Глава первая

ЗНАКОМСТВЕННАЯ

День не задался с самого утра, когда огромная зайцеподобная тарса с острыми зубами и ядовитой слюной отбила пойманную мною перепелку. Без вкусного завтрака, способного насытить на целый день, мне пришлось перебиваться ягодами и грибами, страдая от невозможности нормально поесть.

Я не видела мяса месяц! Ослабла, с трудом поймала большую птицу, которую пришлось отдать более сильной нечисти. Дурацкий закон природы был против меня. Тот, кто решил, что побеждает сильнейший, не знал, каково мелкой безвредной нечисти жить на этом свете.

Утром, оставшись без законной добычи, я была уверена, что хуже быть просто не может.

И как же я ошиблась!

— Смотри!

Огромный детина в удобной куртке с нашивками кадета военной академии дернул за веревку, подтягивая меня ближе. Привлеченная запахом свежего мяса, я проморгала искусно сплетенные магические силки и оказалась в ловушке. Единственное, что утешало в данной си-

туации, — мясная вырезка внушительного размера сейчас лениво переваривалась в моем животе. Приманку я съела с большим аппетитом.

— Это же фенек!

От подобного заявления шерсть на моем загривке встала дыбом. Раздраженно фыркнув, я возмущенно дернула задней лапой, за которую меня так невежливо тянули. Как он доучился до четвертого курса, а судя по нашивкам, именно четверокурсником он и был, если не смог отличить горную рагру от мелкой лисицы, которая в здешних лесах даже не водится?

Идиот перекачанный между тем на негодование мое внимания не обращал и, спокойно подняв за заднюю лапу, погладил большое пушистое ухо.

— Какой фенек? — Второй кадет, к которому обращался интеллект обделенный, пригляделся ко мне. — Глаза желтые и хвост заячий.

Дернувшись, я прижала уши и зашипела, щеря маленькие острые зубки. Так меня еще не оскорбляли. Возмущенная до глубины души, качнулась вперед, размахивая перед его носом когтистой лапой в безнадежной попытке расцарапать нахалу лицо. Хвост у меня не заячий, просто максимально укороченный! Долгие столетия эволюции горных рагр показали, что длина жизни напрямую зависит от длины хвоста. Чем длиннее хвост, тем короче жизнь.

Мою переднюю лапку перехватили и внимательно осмотрели.

— Посмотри сюда, — тощий продемонстрировал мои маленькие пальчики с острыми когтями своему другу, — это нечисть. Пальцы расположены так, чтобы удобно было хватать предметы. Да и легкий магический фон чувствуется.

— И что мы с ней делать будем? Я рассчитывал на тарса. Мне с Ульной помириться нужно. Она уже второй месяц о тарсе для своих опытов мечтает. «Они такие миленькие, они такие маленькие, они такие выносливые и умирают долго», — пропищал он, ненатурально копируя голос вредной девицы, и в сердцах плюнул под ноги. — Почему вместо тарсы, которых в этом лесу полно, мне попалось какое-то тощее недоразумение?

Ульну эту я не знала, но уже испытывала к ней странные чувства. С одной стороны, именно из-за этой идиотки я тут сейчас вишу, а с другой — только благодаря ей я впервые за долгое время наелась.

— А эта чем хуже? Принеси ее.

Меня встряхнули.

— А если не понравится? Где я тогда тарсу найду? Следующее практическое занятие с выездом у нас только через месяц, а бабы у меня не было уже два. Я больше не протяну.

— Тебе девушек мало? — удивился бледный и слегка осунувшийся парень, продолжая мять в своих пальцах мою лапку. — Выбери какую поговорчивее и...

— Если Ульна узнает...

Перекачаный поежился.

— Тогда берем эту дрянь и несем твоей Ульне. Не понравится — выкинет, а понравится — так будет тебе завтра счастье.

С отношением к этой Ульне я определилась: никакой симпатии она у меня совершенно точно не вызывала. Ее вон даже перекачанный дурак боялся, что уж обо мне говорить. Я ведь маленькая, слабенькая и пожила-то совсем немного. И только успела в половозрелый возраст войти, только-только подготовилась получить человеческую личину, как эти ненормальные решили испортить мне жизнь. Отдать на опыты, не позволив даже узнать, каково это — быть человеком. И что лучше: быть большой, но лысой, или маленькой, но пушистой.

— А давайте я вам тарсу приведу, а вы меня отпусти... тхе.

Стоило открыть пасть и заговорить, как меня уронили на землю. Чудом приземлившись на лапы, чисто инстинктивно бросилась в кусты, надеясь сбежать, и больно вспахала носом прошлогодние сосновые иголки, ровным слоем покрывавшие землю. Про магический силок я забыла.

— Говорящая, — прошептал перекачанный. — Эта малявка — высшая нечисть?

И столько неверия было в его голосе, что я обиделась.

— Можно подумать, высшая нечисть обязательно должна быть большой, свирепой и опасной, — проворчала я, стряхнув с черного носика прилипшую иголочку.

— Должна, — в один голос подтвердили кадеты.

Мои уши поникли:

— Вы глупые, да? Вам про нечисть ничего не рассказывали, что ли? Или вы на занятия не ходили?

Парни молчали, убеждая меня в том, что предположения верны. И глупые они, и занятия прогуливали.

— Высшая нечисть — нечисть, которая в ходе взросления не утратила, а напротив, развила дарованные при рождении зачатки интеллекта. Как правило, это хищники, так как жизнь у них веселая и интересная, способствующая развитию, но такие, как я, тоже способны пробиться.

Кадеты молчали, а я не смогла не похвастаться:

— Я, между прочим, в шесть лет разговаривать научилась.

— Дарис, — задумчиво проговорил перекачаный, — скоро ведь посвящение. Нам нужно будет поймать и приручить высшую нечисть...

— Только не говори, что ты хочешь взять себе это, — с ужасом посмотрел на меня бледненький.

— Не себе. Думаю, Илистар будет рад такому подарочку.

— Он нас убьет, — прошептал самый умный из этой парочки.

— Это если узнает, а он не узнает. Потому что никто ему не расскажет.

Я только злорадненько фыркнула. Наивный идиот. Что бы они ни задумали, я планирова-

ла все рассказать этому таинственному Илистару. Он мне нравился уже просто потому, что не нравился этим безмозглым охотникам на нечисть.

Рассказать, а потом, если понадобится, еще и помочь спрятать трупы.

— А она? — на меня выразительно кивнули.

— И она никому не расскажет.

Я радостно закивала в ответ, готовая поддерживать перекачанного в его заблуждении.

— Она принесет клятву.

Кивать перестала, головой тряхнула, прочищая уши, потому что мне, кажется, послышалось.

— Клятву?

— Да, мелкая, ты поклянешься не сообщать Илистару, кто, при каких условиях и каким образом привязал тебя к нему.

— А если я откажусь?

Перекачанный оказался не безнадежен, и это меня очень опечалило. Не все лекции, видимо, проспал.

— Тогда подарю тебя Ульне. Может, она меня и благодаря твоей шкуре простит.

Тихий утробный рык вырвался из горла помимо воли.

— Так что ты выбираешь? — спросил он с таким видом, словно у меня и правда был какой-то выбор.

— Хорошо, я дам клятву.

Этот день можно было смело назвать самым ужасным днем в моей жизни. Что я с удовольствием и сделала.

* * *

Илистар лежал в палатке врачевателей словно неживой, отсыпаясь после истощения резерва. Практическая работа в полевых условиях оказалась сложнее, чем он думал, а первокурсники, которых дали в нагрузку, тупее, чем опасался. И когда, проснувшись утром с головной болью и легкой слабостью, обнаружил мирно спящую меня на своей груди, почему-то не обрадовался.

Меня медленно подняли в воздух за лапу. За ту же самую лапу, за которую вчера весь вечер таскал перекачанный, а потом еще и на землю швырнул, после того как необходимую клятву получил и к спящему привязал.

Вязали два идиота, и привязка получилась крепкая, железобетонная. Я бы даже сказала — нерушимая, что меня очень расстроило. Расшатать ее и вырвать с корнем, желательно из энергетического источника хозяина, не представлялось возможным.

Вдоволь нагоревавшись, я уснула под утро и была разбужена таким варварским способом.

Градус моей симпатии к Илистару ощутимо понизился.

— Х-х-хазяин, будь лапушкой, положи на место и дай еще пару часиков поспать, агасеньки?

— Ты кто такая?

Удивляться и орать, что я говорящая и вообще высшая нечисть нестандартных размеров, он не стал.

— Нечисть. Вчера еще была бесхозная, а теперь твоя. Так что люби меня, хазяин, оберегай и корми. — Призадумавшись на секундочку, я пришла к выводу, что любить меня особо и не нужно, оберегать я себя и сама могу, десять лет как-то оберегалась же, а потому с придыханием велела: — Корми побольше.

— Что?

Он медленно повернул голову, глядя на свою левую руку. На запястье отчетливо виднелась высветленная, словно выжженная полоска кожи, браслетом обвивающая руку.

— У меня, если тебе вдруг интересно, такая же, — доверчиво протянув ему левую лапку, заговорщически прошептала: — Только под мехом не видно.

На признание мое он не отреагировал, продолжая тупо пялиться на прямое свидетельство связи с подчиненной нечистью. И эта его заторможенность наталкивала на определенные мысли:

— Хазяин, а ты под чем-то, да? Тебя насильно накачали? Или ты сам накачался? Ты имей в виду, я с тобой теперь и в горе, и в радости. — От слов моих его ощутимо передернуло. — Мне бы только знать: у нас сейчас горе или я могу не волноваться?

— Кто? — тихо, на выдохе спросил он.

— Аиньки?

— Кто провел обряд? Кто тебя ко мне привя- зал?

— Не могу сказать, я клятву дала.

— Что?

— А если бы не дала, меня бы того... в расход пустили...

Висеть вниз головой было не очень приятно, но я рисковала к этому привыкнуть.

— Я сам тебя сейчас... в расход пущу... — проорчал он, сжимая пальцы на моей лапе.

— Ай! Ая-я-я-о-о-ой! — Я визжала, дергалась, вырывалась и уже подумывала о том, чтобы слить, благо магических пут на мне больше не было и на короткие расстояния я перемещаться вновь могла, когда меня уронили на одеяло, — ты жываде-е-о-ор, и-и-изве-е-ерг, сади-и-ист.

Илистар морщился от моих завываний, а я нежно поглаживала пострадавшую лапу и наслаждалась произведенным эффектом. Уши безжизненными тряпочками лежали на спине, а я была вся такая несчастная, бедная, забитая, прямо у-у-ух!

Хозяин не мог не проникнуться.

— Прекрати реветь, — потребовал он. — Можешь хотя бы объяснить, зачем это было сделано? Это какая-то проверка?

— Подарочек от недоброжелателей, — неохотно призналась я, но тут же воспряла духом и забыла о лапе, заверив скривившегося кадета, — но тебе очень повезло. Они просчитались. Я редкая и очень ценная.

— Ценная? — проворчал он. — Ты просто одно ходячее недоразумение. Как только умудрилась стать высшей нечистью.

И я обиделась. Ну и ладно. Ну и пожалуйста. Хотела наладить хорошие отношения с навязан-

ным хозяином, а меня мордой — и прямо в мое несолидное происхождение.

Может быть, я всего лишь рагра, зато единственная из своего помета выжила и единственная из вида умудрилась развиваться. И готовилась в скором времени получить человеческий облик. Не факт, что им даже пользоваться буду, но сама мысль о том, что он появится, грела душу.

— Ушастая? — Меня аккуратно почесали между повисших ушек. — Неужели обиделась?

Хозяин мне попался хоть и вспльщивый, и несдержанный, но, кажется, не злой. И если бы не это его «ушастая», я бы даже не стала отворачиваться, демонстрируя ему свой пушистый тыл.

— Н-да... и хвост заячий, — пробормотал он, потрогав обозначенную часть тела.

— И ничего он не заячий! — Я подпрыгнула на месте, прикрыв лапками хвост, гневно запыхтела, обернувшись к разулыбавшемуся нахалу. Могла бы — загрызла. Но зубы у меня мелкие, и с такой махиной совладать я просто не в состоянии. Потому решила бить по самолюбию, раз уж по морде не имела возможности: — А у тебя нос слишком длинный... окрас неинтересный, резерв пустой и... рожа бледная. И...

— И-и-и? — заинтересовался Илистар, взъерошив свой неинтересный окрас.

На самом деле окрас был очень даже ничего. Темные волосы с легким зеленоватым отливом напоминали по цвету воронье крыло. Красивый цвет. Пустой резерв должен был восстановить-

ся за сутки, слегка длинноватый нос на узком, чуть вытянутом лице не особо бросался в глаза, а бледность можно было даже назвать аристократической, и я не знала, что еще сказать, вглядываясь в синие внимательные глаза.

— ...и сюда кто-то идет.

Встрепенувшись, я прислушалась, отчего уши на голове встали торчком.

«Кем-то» оказался худой рыжий парень, принесший еду.

— Как себя чувствуешь? — не здороваясь, спросил он, подходя к низкой походной койке, на которой отдыхал Илистар.

— Нормально. Первокурсники?

Хозяин, ссадив меня на кровать, с трудом поднялся и с благодарностью принял протянутую миску.

— Живы, даже здоровы. — Рыжий присел на раскладной стульчик, опустив на колени вторую миску. — Напугались сильно, но едва ли им это в науку пойдет.

Илистар фыркнул.

— Зря веселишься. Стоило позволить волчатам развлечься. Они же сытые были, до смерти никого бы не загрызли. Зато этим безалаберным кретинам наука. И ты бы в лазарете не валялся.

— Это все, конечно, очень интересно, но где моя тарелка? Хозяин, а я? Меня кормить тоже надо.

— Это... что?

— Не что, а кто. Горная рагра, приятно познакомиться, невоспитанный юноша, — едко сооб-